

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РЕФОРМ СЕРЕДИНЫ ХУІ В.

Часть I.

ДЮЛА СВАК

«Процесс утверждения марксистско-ленинской методологии в советской исторической науке был сложным и длительным»,¹ пришел к выводу Л. В. Черепнин в разделе об истории советской исторической науки до середины 1920-х гг. книги *«Очерки истории исторической науки в СССР»*. Ниже он заметил: в данный период «оставшиеся на родине и эмигрировавшие реакционные буржуазные ученые наводнили книжный рынок потоком литературы по философии, методологии истории, социологии, пронизанной идеями теософии и мистицизма». ² Эта идеологическая среда, таким образом, выработала и появившиеся в начале 20-х годов произведения об Иване ІУ, которые должны были выполнить определенную, в том числе и политическую, функцию в «спасении» буржуазного понимания истории и — косвенно — самого старого строя.

Это утверждение относится прежде всего к книге Р. Ю. Виппера «Иван Грозный». Характеризуя Р. Виппера и одного из его коллег, В. И. Ленин писал в связи с другой его работой, что их произведения «разоблачают их как идейных рабов буржуазии», как «дипломированных лакеев поповщины». ³ В рассматриваемый период Р. Виппер обосновал тезис о кризисе исторической науки, а в действительности о кризисе общества, и оказывал влияние на слушателей апокалиптическим видением всемирного опустошения. На свою политическую направленность он бросил свет следующими недвусмысленными словами лекции «Кризис исторической науки», прочитанной 16-го ноября 1920 г. в Москве и напечатанной в следующем году в Казани: «По какой-то иронии судьбы ослепленные провозвестники борьбы классов объявляют себя пламенными пацифистами, сторонниками всеобщего мира и притом мира немедленного, на самом деле междоусобная война, которую они ведут во имя установления мира — самая зверская и беспощадная из всех войн.» ⁴

Обратившись (в свете прежней научной деятельности — неожиданно) к образу Ивана ІУ, Р. Виппер применил свои «теоретические», «историко-философские» и актуально-политические взгляды к конкрет-

ному историческому материалу.⁵ Как утверждает С. М. Дубровский, пример царя Ивана IV был нужен ему потому, что в своей книге он, «исходя из своих политических воззрений, хотел в противовес бездарному Николаю II показать «настоящего царя», который даже после катастрофического поражения в Ливонской войне «сумел спасти и царство и династию».⁶ С. М. Дубровский замечает также, что это стремление Р. Виппера «вызвало возмущение революционного и вообще прогрессивного студенчества».⁷ Сходную позицию по этому вопросу заняла и тогдашняя критика в лице Ю. В. Готье, который заключил, что в книге Виппера «идеализация Грозного и России его времени заметна с первой страницы . . . до последней».⁸ Одной из причин этого, по мнению Ю. В. Готье, могло быть то, что «автору, изучая происхождение великодержавной России, жаль ее падения. . .».⁹

К этим утверждениям, касающимся прежде всего политических мотивировок, можно добавить лишь, что конструкция Р. Ю. Виппера об Иване IV была вредной и с узконаучной точки зрения, ибо наблюдающееся в его книге чрезмерное выделение личности и преобразующей историю роли царя отбросило изучение вопроса на уровень дворянской историографии. В этой книге мы не находим следов социально-экономической проблематики. Эпоха Ивана IV интересует автора лишь в связи с личностью великого царя и великой — Ливонской — войной. Он не только не исследовал реформы середины века, но даже не считал нужным просто перечислить их. Таким образом, нельзя считать случайным, что даже С. Ф. Платонов, который в итоговой оценке вывел позитивный баланс деятельности Ивана IV, подверг критике книгу Виппера в первую очередь за идеализацию царя Ивана.¹⁰

Сам С. Ф. Платонов также заявил о себе в рассматриваемый период небольшой популярной книгой об Иване IV.¹¹ В сравнении с его имевшей большое значение монографией, содержащей и обстоятельный анализ опричнины,¹² эта работа Платонова не внесла нового в историографию вопроса. В течение пяти лет, прошедших со времени победы Великой Октябрьской социалистической революции, буржуазная наука сохраняла значительные позиции в историографии. Однако все решительнее требовало себе место в исторической науке марксистское направление. Из профессиональных историков нужно упомянуть о деятельности М. Н. Покровского, который, правда, специально не занимался эпохой Ивана IV, но в своих многочисленных работах уделил внимание реформам середины XVI века. Согласно его концепции, XVI век — век прихода к власти торгового капитала, что повлекло за собой в общественной жизни переход власти в руки союзного с торговой буржуазией дворянства и оттеснения бояр на задний план. В этом процессе историк отводит исключительное место опричнине, поэтому в своей работе «Русская история в самом сжатом очерке» он пишет: «В 1564 г. помещики вместе с богатым купечеством и произвели государственный переворот».¹³ Итак, в его концепции здесь еще нет места для серии реформ, предваривших введение опричнины, и эти реформы остались неразработанными и в обобщающей работе «Очерк истории

русской культуры». Однако в последней, говоря о военнофинансовой организации России, Покровский затрагивает уже и вопрос реформ середины XVI в. Приводя их в связь с нуждами завоевательной внешней политики, проведения которой требовали новый, возвышающийся «класс», дворянство и торговая буржуазия, косвенно он высказывает мнение о дворянском и торгово-буржуазном характере реформ.¹⁴

В книге *«Русская история с древнейших времен»*, имевшей в свое время огромное значение благодаря роли, сыгранной ею в распространении марксистского понимания истории, М. Н. Покровский подробно остановился на интересующем нас вопросе. В его концепции русской истории XVI века определяющее значение получает «аграрный переворот» первой половины столетия, борьба, начавшаяся между крупными и средними землевладельцами, в которой «экономически все выгоды были на стороне последних».¹⁵ В период кризиса крупных вотчин, продолжает М. Н. Покровский, бояре попытались стабилизировать свое пошатнувшееся положение. Этой цели должна была служить система кормлений, и следствием этого был период боярской анархии в 30—40-х годах. Позже беспримерные злоупотребления бояр-кормленщиков привели к вспыхнувшему в 1547 г. московскому восстанию.¹⁶ Поскольку же интересы кормленщиков находились в противоречии с интересами «всего населения»,¹⁷ правительство должно было навести порядок. Ибо «... обществу, и как раз командующим слоям его, тем более нужно было порядка и обеспеченности, чем оно экономически было развитее ...»¹⁸ Следовательно, «изображать (реформы — Д. С.) как продукт государственной мудрости самого царя и тесного кружка его советников ... невозможно». Ведь все население участвовало в их проведении, «притом в качестве инициатора», — пишет М. Н. Покровский.¹⁹ Перейдя к доказательству (в первую очередь с помощью анализа сочинений Пересветова и проектов реформ, содержащихся в т. н. «Царских вопросах»), он приходит к следующему выводу: «Как служилая программа нашла себе жизненное выражение в губных головах и губном сыске, так из посадской вышла «земская реформа» Ивана IУ».²⁰ Из этого, следовательно, в итоге можно сделать вывод, что классовый характер реформ был отчасти «буржуазным», отчасти «помещичьим».

Уже эта двойственность должна была означать определенный «компромисс» между двумя упомянутыми «классами», ведь интересы аграрного и менового капитала, согласно концепции Покровского, противоречили друг другу, но в конце концов, по мнению Покровского, основным содержанием компромисса, сохранившего силу примерно до 1560 года, стало согласование интересов «феодалной знати, буржуазии и мелких помещиков».²¹ «Мелкий вассалитет» был удовлетворен губными учреждениями и отменой кормлений, а также земельными пожалованиями «избранной тысячи» под Москвой, а жители посада — «земской реформой» и переходом в их руки сбора косвенных налогов.²² Несмотря на это, быстро выясняется, по мнению Покровского, что от реформ больше всех получило боярство: «Боярство Грозного сделало много уступок и капитальных: упразднение кормлений и введение в состав «избранной

рады» торгового священника Сильвестра и «батожника» Алексея Адашева были главными из них ... Боярство обнаружило большой политический такт: отказавшись от многих материально выгодных привилегий, оно удержало этой ценой в своих руках источник их всех — государственную власть». ²³ И наконец, крушение компромисса было вызвано именно тем, что из «договаривающихся сторон» лишь боярство получило прочную выгоду от сделки. ²⁴

Таким образом, М. Н. Покровский сначала объяснял серию реформ 50-х гг. XVI столетия народным недовольством по отношению к боярской власти, проявившимся в 30-е и 40-е годы, и подчеркивал «общенародный» характер (исключая бояр) этих реформ. Однако позже он был склонен скорее выделять их «компромиссный» характер, откуда лишь один маг (который он и сделал) отделял его от подчеркивания такого существа реформы, которое объективно выражало интересы бояр. В этой конструкции нетрудно заметить внутреннее противоречие, вытекающее из механического применения общей схемы. Приспособив к русским условиям т. н. «теорию равновесия», выработанную для западноевропейских вариантов абсолютизма, Покровский показывает предысторию опричного перелома в качестве такого патового положения, при котором уже существует определенное равновесие между старым и возвышающимся новым «классом», но которое боярская государственная власть, принимая во внимание важнейшие интересы своего «класса» и думая о его защите, сумела путем компромиссной политики использовать для продления жизни старого строя.

Несмотря на, в известной мере, вульгарный социологизм концепции М. Н. Покровского, его работы многое внесли в историографию интересующего нас вопроса, прежде всего, тот подход к проблеме, при котором реформы изображаются в качестве равнодействующей борьбы различных социальных слоев, а в их осуществлении подчеркивается согласование разнообразных интересов, «компромиссный» характер.

Во многом похожа на взгляды М. Н. Покровского концепция другого известного историка, *Н. Рожкова*, который выступил в 1922 г. с крупной обобщающей работой. Однако это сходство едва ли можно объяснить непосредственным влиянием М. Н. Покровского. Н. Рожков еще задолго до победы Октябрьской революции опубликовал серьезные труды, в которых уже наметились контуры материалистического понимания истории — а точнее, экономического материализма —, что в конечном итоге сближает его концепцию с концепцией М. Н. Покровского. Так, например, Н. Рожков также исходит из «экономического кризиса» XVI века, из перехода от натурального хозяйства к товарному производству, в результате которого «все общественные силы пришли в брожение, старые силы стали рушиться и разлагаться, новые едва начали еще строиться, организовываться». ²⁵ Н. Рожков, следовательно, подобно М. Н. Покровскому, предполагал наличие переходного состояния, начало которого можно приурочить к тому времени, когда Грозный, опираясь на восставшие против боярского правления слои населения, овладел реальной властью и с помощью компромиссной

политики попытался лавировать между боярством и дворянством.²⁶ И хотя Н. Рожков отметил, что земское самоуправление, финансовые приказы, земские соборы «и другие перемены в центральном управлении, тоже связанные с 50-ми годами XVI в.», были важны для служилого сословия,²⁷ в итоге он (хотя в его аргументации и не делается акцент на «третьем сословии») пришел к выводу, похожему на вывод М. Н. Покровского: «Итак, ясно, что компромисс между боярством и дворянством построен был на уступках дворянам главным образом в деле организации и поддержки материальными средствами дворянского сословия и в сфере местного управления, а боярство сохранило львиную долю власти в центре и обеспечило полноту своего влияния на верховную власть и высшее управление, попыталось даже фактически захватить всю полноту этой власти.»²⁸ Таким образом, компромисс принес выгоду боярству, следует из утверждения Н. Рожкова, поэтому было закономерным последовательное применение традиционной правительственной политики, направленной на ограничение власти бояр, иначе говоря — введение опричнины.

Следовательно, несмотря на то, что Н. Рожков построил свою концепцию не на тезисе об укреплении позиции торгового капитала, социально-политическую историю середины XVI столетия и он охарактеризовал понятием «компромисса», больше того, подобно М. Н. Покровскому, он считал, что основную выгоду от этого компромисса получили бояре. В дальнейшем эта точка зрения все шире распространялась в советской историографии, однако сразу прозвучало и иное мнение.

Это мнение было высказано А. Пресняковым в его рецензии на книгу С. Ф. Платонова «Иван Грозный». В рамках рецензии А. Пресняков не смог дать всестороннее обоснование своих взглядов, поэтому его отдельные утверждения могут рассматриваться лишь как предложения, тем не менее нужно признать, что они выражали однозначную позицию. Суть этой позиции заключается в том, что историк противопоставил Избранной Раде, выражавшей «чисто княжескую» классовую тенденцию²⁹, реформы середины века, заявив, что выступление Ивана IV в 1549 г. и его последствия, а главным образом мероприятия, проведенные после 1553 г., были «отнюдь не в духе классовой-княжеской тенденции». — И хотя в своей итоговой оценке историк уже более осмотрителен и не случайно выражает свое мнение в вопросительной форме, нет сомнений в том, что он дает положительный ответ на свой вопрос: «Не естественнее ли отнести многое в этих реформах за счет не «избранной рады», а ее противников. . ?»³¹ Тем самым А. Пресняков заложил основу исторического направления, подчеркивающего служилый — а не компромиссный — характер реформ середины XVI века.

Монографическое исследование реформ середины XVI в. на основании нового подхода, однако, еще заставляло себя ждать. И поскольку работы М. Н. Покровского пока заменяли или квалифицировали как ненужные специальные труды, упомянутые положения этих работ в конце 20-х — первой половине 30-х годов широко распространились, сделались почти аксиомами.³²

Пересмотр исторических воззрений М. Н. Покровского произошел лишь во второй половине 1930-х годов,³³ после известных постановлений партии и правительства о преподавании гражданской истории, которые открыли новый этап и в изучении рассматриваемой эпохи. Но пока, на его первом этапе, о рождении нового понимания истории свидетельствовали все же не монографии, обобщающие конкретные исследования, а новый учебник *«История СССР»*. Это одновременно означает, что по нашей непосредственной теме обработка научными методами истории реформ середины XVI в. попрежнему задерживалась. Правда, несколько новых моментов содержала и соответствующая часть упомянутого учебника, написанная С. В. Бахрушиным. Прежде всего, нужно отметить толкование автором «социальной опасности» после событий 1547 г. в качестве силы, принуждавшей феодальный господствующий класс к соглашению. И хотя С. В. Бахрушин подчеркивал, что «реформы эти были произведены в интересах дворянства», он в то же время недвусмысленно указал на то, что бояре определенным образом ограничили дворян, то есть также подчеркивал компромиссный характер реформ.³⁴ При этом очень важным было и дифференцированное изображение роли боярства, что дало возможность историку показать бояр как до определенного предела (в разгар социальной опасности) заинтересованных в усилении царской власти.

В 1962 г. С. О. Шмидт в работе «Вопросы истории России XVI в. в новой исторической литературе» с основанием указал в связи с одной из историографических статей С. В. Бахрушина, написанной в 1947 г.,³⁵ на то, что автор «не мог назвать ни одной напечатанной монографии, посвященной истории России XVI века.»³⁶ Таким образом, научное исследование вопроса не продвинулось даже несмотря на появление учебника *«История СССР»* и вновь проявившееся внимание к истории. Это обстоятельство, по всей видимости, объясняется тем, что Великая Отечественная война, борьба против фашизма возложили на историков другие задачи. Поэтому, хотя резко увеличилось число работ, посвященных эпохе Ивана IV, по существу, количественный рост не перешел в качественный. Больше того, поскольку по подходу к проблеме популярные сочинения были скорее близки к литературным, художественным произведениям, также сильно расплодившимся в рассматриваемый период,³⁷ можно сказать, в изучении русской истории XVI в. наступило время, когда вместо широких социально-экономических процессов в центре внимания историков оказалась личность одного царя. Причины этого поворота в историческом подходе были исчерпывающе исследованы советскими историками после 1956 г.,³⁸ поэтому в рамках данной работы было бы излишним повторение этих вполне удовлетворительных объяснений. Вместо этого вспомним коротко о каких работах идет речь.

В изучаемый период дважды была издана (и даже переведена на венгерский язык) книга Р. Ю. Виппера «Иван Грозный»³⁹, которая во время первого выхода в свет получила скорее отрицательную, чем положительную оценку. При новых изданиях ситуация изменилась,

хотя сама книга по концепции не потерпела изменений. Конечно, были внесены изменения в текст и, особенно, в фразеологию. Так, например, глава «Колебания судьбы» в новом издании появилась уже в двух частях: «Успехи и неудачи военной монархии» и «Борьба с изменой». В новой версии книги имелось и множество вставок. Например, о выдающейся роли личностей, руководящих войной и политикой, в борьбе против немцев,⁴⁰ о классовом характере политики Ивана IV⁴¹, кроме того, автор считал необходимым наряду с пассивными свойствами русского народа, пространно описанными в первом издании, упомянуть и о его активном качестве, «способности к революции»⁴². Этот перечень можно было бы продолжить. В новом издании книги были сделаны и пропуски по сравнению с ее первоначальным вариантом. Прежде всего были выпущены историко-философские рассуждения, выражавшие идеалистическое мировоззрение автора⁴³, а также те места книги, которые первоначально придавали оценке Виппером личности и деятельности Ивана IV меньшую однозначность⁴⁴. Однако важнее то, что целые страницы и главы остались без изменений, и прежде всего в неприкосновенности осталась суть концепции: в центре внимания по-прежнему находилась идеализированная личность⁴⁵. В этот период Р. Ю. Виппер популяризировал эту концепцию и в статьях⁴⁶.

В 40-х гг. об Иване IV появилось еще несколько популярных работ, авторами которых были И. И. Смирнов, и С. В. Бахрушин⁴⁷. Эти историки были прекрасными знатоками русской истории XVI в., поэтому их произведения были конкретнее книги Р. Ю. Виппера. И. И. Смирнов, например, относительно подробно остановился в своей брошюре на реформах 1550-х годов и, практически сводя к нулю роль Избранной Рады, высказался за дворянский характер этих реформ. Однако основное содержание брошюры роднит ее с книгой Р. Ю. Виппера. Не случайно, И. И. Смирнов характеризует основную заслугу современной ему исторической науки в изучении данной проблематики следующими словами: «В наши дни в работах советских историков образ Ивана Грозного наполняется новым, научным содержанием, сохраняя в себе то основное и положительное, что оценил в деятельности Грозного царя народ.»⁴⁸ С такой оценкой Ивана IV полностью согласился и С. В. Бахрушин, и хотя он обратил внимание на опасность идеализации⁴⁹ (на словах это сделали и другие)⁵⁰, его окончательная оценка звучит так: «В лице Ивана Грозного мы имеем не «ангела добродетели» и не загадочного злодея мелодрамы, а крупного государственного деятеля своей эпохи, верно понимавшего интересы и нужды своего народа и боровшегося за их удовлетворение»⁵¹. В целом же, как подчеркивает редактор издания научных трудов С. В. Бахрушина, осуществленного уже после смерти ученого: «В ряде формулировок... личность Грозного выдвигается на первый план, создается ложное впечатление о ее якобы определяющем значении для исторического развития, а также недостаточно подчеркивается классовый характер политики правительства Ивана IV»⁵².

Но мы были бы несправедливы к С. В. Бахрушину, если бы выделили только эту сторону его концепции. Ведь именно он попытался подкрепить общие оценки исследованиями. Следы этого можно обнаружить уже в популярном сочинении «Иван Грозный». В нем Бахрушин, хотя и подчеркивает, что после «большого пожара» 1547 г. царь взял в свои руки руководство государством⁵³, но несколько строк спустя уже пишет о том, что в период реформ страной управляла «Избранная рада» (которую он по существу отождествляет с «Ближней думой»).⁵⁴ Эти реформы по своей сущности выражали интересы дворян, ведь дворянство было их инициатором⁵⁵, но правление Избранной рады символизировало широкий союз правящего класса, поскольку «для проведения в жизнь широкой программы нововведений необходимо было достигнуть объединения всего класса феодалов и внутреннего его сплочения ввиду опасности, грозившей ему снизу»⁵⁶. Однако «реформы, проведенные Избранной радой, вполне соответствовали требованиям, высказанным дворянством устами Пересветова»⁵⁷. Таким образом, Бахрушин подчеркивает дворянский характер реформ, когда заявляет: «В общем итоге все основные требования дворянства были приняты во внимание». Однако на практике, продолжает Бахрушин, «это было все-таки не то, чего хотело и добивалось дворянство... дворяне получили лишь крохи, падавшие с их (т. е. бояр — Д. С.) стола. Избранная рада остановилась на полпути, не доведя дворянской программы до логического конца»⁵⁸. В конце концов и падение ее произошло потому, что она стояла на пути абсолютной царской власти, призванной решительно реализовать интересы дворянства и — новый момент в рассуждениях Бахрушина — городского населения и, таким образом, выражавшей интересы широких слоев феодального общества⁵⁹.

Создается впечатление, что С. В. Бахрушину не удалось определить роль царя в упомянутый период, и, если не учитывать связанную с этим неуверенность, то заметно, что его позиция покоится на фундаменте мнения Покровского, конечно, за исключением отброшенного тезиса о роли торгового капитала и торговой буржуазии. Но эта позиция свободна от крайнего социализма Покровского, поэтому Бахрушин на практике придает большее значение частичному осуществлению интересов дворян, что в конечном итоге приводят к перемещению центра тяжести оценки на сторону дворян.

Уже Покровский, да и вся советская историческая наука до того времени, подчеркивая «компромиссный», «застывший на полпути», «объективно укрепляющий позиции бояр» характер реформ середины XVI в., делали это чтобы подчеркнуть по-настоящему радикальный характер опричных «реформ», выражавших широкие интересы дворян, и выделить значение последних по сравнению с реформами середины века. Именно С. В. Бахрушин в другой своей работе, хотя и в осторожной форме, но постарался корректировать эту точку зрения: «Однако предшествующий опричнине период реформ 1550-х годов является, на мой взгляд, не менее, а может быть и более значительным моментом в истории формирования централизованного государства... реформы

1550-х годов не только оформили складывавшиеся в течение целого века политические и социальные порядки, но и дали определенное направление дальнейшему развитию русской государственности. На базе реформ 1550-х годов строилось Русское государство XVII в. и подготовлялся переход к абсолютизму при Петре I»⁶⁰. Этим определением С. В. Бахрушин расположил реформы середины XVI в. в широкой исторической перспективе и в целом правильно указал на их суть.

Что пишет Бахрушин о собственном предмете его исследования, Избранной раде? Отправную точку историк и в этом случае выбрал правильно, ведь несмотря на внимательный анализ состава Избранной рады (в ходе которого, между прочим, он приходит к выводу, что рада равна «ближней думе»)⁶¹, Бахрушин делает выводы, касающиеся реформ, не просто на основании анализа социального состава этого учреждения. В то же время он запутывается в логическом противоречии, настаивая, с одной стороны, на дворянском характере реформ (с небольшими уступками в пользу бояр)⁶² и доказывая, с другой стороны, что аппарат управления состоял в основном из бояр. Объяснением этого противоречия снова становится общее место о народной угрозе, ведущей к объединению правящих кругов, только это само по себе не дает достаточного объяснения, почему это боярское правительство, при практически одинаковом характере, стремится к укреплению центральной власти, а предыдущее (в 1530-х и 1540-х гг.) стремилось к ее дроблению? Поэтому Бахрушин добавляет, что «в 1550-х годах государственная власть настолько укрепились, что повторение подобных эксцессов было уже невозможно»⁶³. Но вопрос остается прежним: почему *те же* социальные силы вдруг сочли необходимым укрепить государственную власть? В невысказанной форме в этой интерпретации сама эта власть превращается в безличную силу, которая добивается того, что находящееся во всех отношениях в привилегированном положении боярство добровольно отказывается от многих привилегий в пользу массовой базы государственной власти, дворянства, еще неорганизованного и не располагающего самостоятельным политическим профилем.

Но настоящее значение рассматриваемой статьи, автор которой «примирил» некоторые противоречивые выводы, состоит в том, что она открыла полосу конкретной разработки вопроса о реформах 1550-х годов. В указанный период появилось много специальных исследований авторы которых ставили перед собой задачу подробно проанализировать эти реформы каждую в отдельности.

*

Нам хотелось бы начать разбор специальных исследований со статьи С. Б. Веселовского «Первый опыт преобразований центральной власти при Иване Грозном», занимающей в определенном смысле особое место. Автор статьи уделит особое внимание реформе 1550 г., связанной с «избранной тысячей». Правда, концептуально Веселовский не сформулировал свою точку зрения, но когда он пишет, что «реформа 1550 г. в очень значительной степени усиливала господству-

ющую власть», и что «с этой точки зрения реформу 1550 г. следует рассматривать как одно из звеньев ряда реформ 50-х⁶⁴ годов»⁶⁵, он тем самым держится на отдалении как от линии Бахрушина, так и от линии Смирнова, ведь вместо «компромисса» он подчеркивает радикализм, не связывая его, однако, ни с одним социальным слоем (следовательно и с дворянством).

Остальные же статьи, увидевшие свет в десятилетие после 1945 г. по существу поляризуются между двумя указанными выше мнениями. И. И. Смирнов в нескольких работах конкретизировал свою точку зрения. С одной стороны, он попробовал с помощью анализа источников документировать положение о дворянском характере отдельных реформ⁶⁶, а с другой стороны, по-прежнему не отказался от такого подхода к тематике, при котором в центре внимания находится личность Ивана IV (по его мнению, например, реформы 1550-х гг. «осуществил Иван Грозный»⁶⁷). Таким образом, в этих работах царская власть по сути дела становится самостоятельной, решающей исторической категорией.

Впервые мнение, противоречащее концепции Смирнова, было высказано в решительной форме Б. А. Романовым. Как один из лучших специалистов своего времени, Романов, подчеркнув профессионально-методологическую «широту» обоих коллег⁶⁸, на основании источников показал недостатки интерпретации Смирнова. В связи с этим выделяется скорее критическая сторона статьи: «Так как ст. 85 (Судебника 1550 г. — Д. С.) имела в виду, конечно, и княжат и бояр, а не только детей боярских и «вящих людей», то ее компромиссный характер представляется очевидным, поскольку невозможно отрицать в составе правительства царя Ивана в 1550 г. и представительства интересов «дворян-помещиков» и поскольку нельзя отрицать расхождения интересов крупных вотчинников и мелких помещиков уже в данный момент»⁶⁹. Это мнение ученый, между прочим, включил и в комментарии к тексту Судебника 1550 г., опубликованному на год позже⁷⁰, больше того, еще раньше и в еще более однозначной форме: «Не вижу в них (т. е. в соответствующих статьях Судебника — Д. С.) «выражения антибоярской земельной политики правительства Ивана IV», направляемой против «привилегированного землевладения» вообще: острее их направлено только против церковного землевладения»⁷¹.

Исследуя другие проблемы «периода реформ», ученые также сделали вывод о необходимости уточнения отдельных тезисов И. И. Смирнова и отклонения его концепции в целом. С. О. Шмидт пришел к положению о «компромиссной» политике на материале изучения деятельности Адашева⁷². Д. Н. Альшиц поколебал достоверность источников о событиях 1553 г., игравших ключевую роль в концепции И. И. Смирнова, хотя и не придал этому концептуального значения⁷³. А. А. Зимин же, предложив более позднюю дату возникновения приказов, ослабил одно из важнейших доказательств И. И. Смирнова⁷⁴, заключавшееся в том, что одним из главных показателей усиления дворянства была его роль в деятельности приказов⁷⁵. А. А. Зимин занимался и военными

реформами, осуществленными между 1549 и 1552 годами, думая доказать с их помощью менее радикальный (для дворянства) характер реформ, проведенных до 1553 г., то есть, их в большей степени «компромиссную» сущность⁷⁶. Среди появившихся в то время статей нужно еще упомянуть статью П. А. Садикова «Кормленные дьяки и вопрос о происхождении четей в Московском государстве XVI в.», вышедшую в свет первоначально в 1922 г. и снова изданную после смерти автора в книге «Очерки по истории опричнины» (М.—Л., 1950). Эта работа в значительной степени обогатила изучение реформ в данный период времени.

Все эти статьи открыли новую главу в исследовании интересующей нас проблематики, сделав возможным замену общих концепций обобщающими работами в настоящем смысле этого слова, сложными из «кирпичиков» специальных работ, основанных на подробном анализе источников.

Однако за этим значительным шагом вперед очень скоро последовала новая обобщающая работа, автор которой по-прежнему смог опереться лишь на ограниченное количество предварительных исследований. Несмотря на это, автор соответствующей главы крупного произведения «Очерки истории СССР, конец XV в. — начало ХУП в.», А. А. Зимин выступил с новой в некоторых отношениях концепцией. Его основное утверждение еще ничем не отличалось от хорошо известных мнений: «Правительство Адашева выступило с развернутой программой, имевшей своей основной целью укрепление централизованного аппарата власти в интересах класса феодалов в целом. Это было правительство компромисса между отдельными группами феодалов, правительственная консолидация сил господствующего класса вокруг растущей великокняжеской власти»⁷⁷. Традиционным можно рассматривать и такое мнение, представители которого связывали «мысль» о реформах, их разработку с дворянством⁷⁸ или несколькими «более дальновидными элементами из числа бояр»⁷⁹ (при этом также традиционно не объяснялось, почему данные бояре были «более дальновидными»).

Небольшое изменение в этой концепции, сделанное А. А. Зиминим, может быть сведено к тому, что косвенно он предложил наличие нескольких уровней компромисса. Во-первых, и главным образом, господствующий класс в целом заключил компромисс с нижними классами (под этим, видимо, нужно понимать жителей посада), поскольку стало ясно, что «подавить нарастающее движение и достигнуть укрепления централизованного государства одними лишь репрессиями правительство не могло»⁸⁰. С другой стороны, родился компромисс между дворянством и боярством, который на поверхности определил историю всей эпохи, и содержание которого поэтапно изменялось. (Последний момент также вносит новый элемент по сравнению с изложенными выше мнениями). Согласно точке зрения Зимина, приблизительно до 1553 г. доминировал компромиссный характер, а затем на первый план выдвинулся дворянский характер реформ⁸¹. Наконец, был заключен компромисс между феодальной церковью и боярством⁸².

Разделив на два этапа период реформ, рассматривавшийся ранее как одно целое, А. А. Зимин крайне резко выразил необходимость дальнейшего, более обширного изучения отдельных реформ. Ведь периодизация, предложенная Зиминим, должна была остаться смелой гипотезой до тех пор, пока не будет доказано, что реформы, введенные после 1553 г., представляли интересы дворян «радикальнее», чем более ранние реформы, а также что «толчок извне» для этого был дан «изменной» 1553 г. (которая фигурирует в источниках особенно неясно, создавая возможность для коренным образом противоположных толкований и, таким образом, также требует подробного источниковедческого анализа).

Реализации требований, намеченных в соответствующей главе «Очерков...», не пришлось долго ждать. Не прошло и года со времени их появления, как Институт истории АН ССР на конференции, имевшей важное значение для историографии рассматриваемой нами темы, определил новое направление дальнейших исследований. Поскольку взгляды принявших участие в дискуссии сталкивались прежде всего по поводу опричнины, изложение характерных точек зрения, прозвучавших на конференции, будет сделано мной в статье посвященной советской историографии опричнины. Однако и в связи, с серией реформ 1550-х годов можно сказать, что обсуждение дало сильный толчок фундаментальным исследованиям, усилив тенденцию, и без того существовавшую в последние годы изучения темы, освободив ее от балласта искаженного подхода к истории, от такого метода изучения ключевых социально-экономических проблем, при котором в центре изучения находится та или иная историческая личность.

Плодотворное влияние конференции проявилось в течение исторически необычайно короткого времени. Уже в 1958 г. появилась большая обобщающая работа И. И. Смирнова, которая была призвана синтезировать проведенные до того времени исследования. Прежде всего она подвела итог результатам исследований самого автора.⁸³ Поэтому понятно, что ее концепция находится в органической связи с содержанием прежних статей Смирнова⁸⁴.

Книга И. И. Смирнова «Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века» имеет немаловажное значение в советской историографии. Она явилась первой попыткой монографической обработки политической истории указанного периода и, следовательно, может считаться новаторским начинанием. Поскольку ее автор должен был ликвидировать множество «пробелов» в изучении данной темы, ему представилась хорошая возможность доказать свою высокую квалификацию. Таким образом, в книге И. И. Смирнова появилось источниковедческое искусство историка, которое выразилось прежде всего в привлечении целого ряда ранее неизвестных источников, нового толкования некоторых известных источников, показе их подлинности, достоверности с помощью средств сравнительного метода. С этой точки зрения на первом месте нужно упомянуть датировку Судебника 1550 годом, анализ его отдельных статей, который был осуществлен И. И. Смирновым

не изолированно, а всегда в сопоставлении с другими документами. Такое же мастерство историк проявил и при описании бурной политической борьбы в детские годы Ивана IV, в ходе которого он первым в советской исторической науке привел и сопоставил все доступные источники. При этом И. И. Смирнов отнюдь не ограничился привлечением публицистических произведений, летописей, считавшихся в русской буржуазной историографии наиболее аутентичными, а принял во внимание различные юридические памятники, дипломатические документы и часто актовый материал. Благодаря этому он сумел, например, нарисовать достоверную картину московского восстания 1547 г., охарактеризовать в выразительных биографиях руководителей Избранной рады, документировать распространение поместий за счет черных земель, выдвинуть важные аргументы (прежде всего против мнения А. А. Зимина) о проведении реформы по созданию «избранной тысячи», о складывании приказной системы к 1550-ым годам и т. д.

Обширная монография И. И. Смирнова представляла собой единое целое и концептуально. Обрамлением позиции автора служило его утверждение, согласно которому: «Процесс образования Русского централизованного государства занимает целую историческую полосу продолжительностью более столетия (конец XV — начало XVI в.). Содержание политической истории этого периода составляют ликвидация старых форм и институтов государственной власти и управления, существовавших во времена феодальной раздробленности, и создание на их месте новых форм и институтов централизованного государства»⁸⁵. В этом обширном процессе И. И. Смирнов располагает и реформы середины XVI столетия, утверждая в предисловии: «Наиболее существенной чертой этих десятилетий является то, что в них отчетливо выступает основная тенденция исторического процесса периода образования Русского централизованного государства: укрепление основ господства феодалов. Носителем этой тенденции и активным проводником ее в практику политического развития становится пришедшее к власти в 1547 г. правительство, опирающееся в своей деятельности на дворянско-помещичью группировку феодального класса и на посад и осуществляющее свою политику через многочисленные реформы 50-х годов XVI в.»⁸⁶.

В предисловии к своей книге И. И. Смирнов сделал попытку подкрепить свою общую концепцию русского государственного развития XV—XVI столетий аргументами из социально-экономической истории. Его отправной точкой становится следующее утверждение: «... XV—XVI вв. являются временем, когда создаются важнейшие экономические предпосылки образования всероссийского рынка. Наиболее существенным явлением в экономике России XV—XVI вв. является рост общественного разделения труда, находящий свое выражение в развитии ремесла, городов и торговли»⁸⁷. Обращаясь к социальным предпосылкам централизации, И. И. Смирнов подчеркивает прогрессивную роль в этом процессе великокняжеской власти: «Силой, возглавившей эту борьбу, явилась великокняжеская власть, игравшая

в России роль, аналогичную роли королевской власти в Западной Европе, и являвшаяся, по выражению Энгельса, «представительницей образующейся нации»⁸⁸. И. И. Смирнов много занимается и изображением политического облика боярства, подчеркивая по существу хронологически меняющееся поведение последнего. По мнению историка, боярство становится противником централизации начиная с конца XV в., когда великокняжеская власть провозгласила уничтожение старой структуры органов власти параллельно с проведением в жизнь программы «собираания» русских земель⁸⁹.

Одной из самых ярких страниц книги является, несомненно, описание складывания дворянства, важнейшей социальной базы великокняжеской власти. В связи с этим И. И. Смирнов замечает, что «дворянство окончательно складывается как особая группа внутри феодального класса во второй половине XV — первой половине XVI в. Юридическим выражением этого было создание поместного землевладения и военного сословия служилых людей»⁹⁰.

И. И. Смирнов считает, что, наряду с увеличением важности дворянства, другой определяющей переменной в классовых отношениях «было возрастание удельного веса и политической активности городского посадского населения»⁹¹.

Модификация классовых отношений, в свою очередь, заключает И. И. Смирнов, привела к тому, что старой государственной форме, которая «была приспособлена к периоду «классического» феодализма времен феодальной раздробленности с замкнутым натуральным хозяйством...»⁹², в период обострившейся классовой борьбы пришлось уступить место «крепостническому государству». «Эта перестройка и нашла свое выражение в образовании Русского централизованного государства»⁹³.

Отметим в скобках, что в этом последнем тезисе кажется проблематичным отождествление «классического феодализма» с эпохой феодальной раздробленности, которое уходит своими корнями к точке зрения Н. П. Павлова — Сильванского, в то время как в марксистской исторической литературе период натурального хозяйства принято отождествлять именно с эпохой раннего феодализма.

Надо сказать, что взгляды автора и в других важных пунктах отличались от мнения, выкристаллизовавшегося к тому времени в советской исторической науке, что в целом придало полемическую остроту монографии И. И. Смирнова, отнюдь не претендовавшей на полноту (в ней едва затрагивались реформы второй половины 1550-х годов).

Специалисты, приведя веские доводы, подвергли критике книгу «Очерки политической истории Русского государства 30—50 х годов XV—XVI века» сразу после ее выхода в свет. Слишком крайнюю позицию, на наш взгляд, занял А. А. Зимин, который, ссылаясь на упомянутый недостаток, принизил значение этого крупного начинания⁹⁴. Но по источниковедческим соображениям подвергся критике и метод изучения подробно проанализированных реформ, было указано на недостаточное количество актового материала, а также на преоб-

ладание повествовательных источников (особенно полемики между Курбским и Иваном IУ)⁹⁵. Резкое замечание сделал В. И. Буганов: «Явления политической жизни 30—50-х годов более сложны и противоречивы, чем это можно заключить при чтении книги И. И. Смирнова, построения которого на первый взгляд отличаются логичностью, стройностью, но при проверке фактами из источников вызывают сомнения и возмущение»⁹⁶.

Уже второе — цитированное выше — предложение книги И. И. Смирнова вызвало решительное возражение одного из рецензентов⁹⁷, ибо автор монографии датировал процесс образования Русского централизованного государства периодом с конца ХУ в до начала ХУІІ в⁹⁸. Конечно, было бы преждевременно квалифицировать такую точку зрения как ошибочную саму по себе, ведь (в том числе) именно за это критиковал в своей рецензии С. О. Шмидт А. А. Зимина, придерживавшегося иного мнения⁹⁹. Но принимая во внимание, что упомянутое утверждение И. И. Смирнова основывалось на его упрощенном мнении об исторической роли боярства, даже и оно (заставляя, между прочим, задуматься) представляется уже менее обоснованным.

О боярстве 1530—40-х годов И. И. Смирнов писал следующее: «Историческое значение боярского правления 30—40-х годов заключалось в попытке феодальной реакции — княжат и бояр — задержать процесс строительства Русского централизованного государства путем разрушения аппарата власти и управления централизованного государства и возрождения нравов и обычаев времен феодальной раздробленности»¹⁰⁰. Это мнение автора, высказанное в качестве введения, в полной мере наложило отпечаток и на конкретное изложение. И. И. Смирнов описывает весь период боярского правления как период интриг реакционных бояр, против чего затем, в 1542 г. (!) начало борьбу дворянство. В нашу задачу не входит изучение этих частей книги, для нас важен лишь тот искусственный контраст, который был создан И. И. Смирновым между боярским правлением и периодом реформ.

В 1547 г. (!), пишет И. И. Смирнов, к власти пришло правительство, которое со всей своей энергией работало над усилением центральной власти и удовлетворением интересов дворянства, ее социальной базы. И. И. Смирнов с использованием большого фактического материала попытался установить личный состав правительства и мобилизовал слишком крупные силы, чтобы доказать, что Избранная рада, как об этом заявлял уже Бахрушин, не что иное, как действительно Ближняя дума¹⁰¹. В ходе изложения автор переоценил значение некоторых представителей упомянутого органа (напр. Макария, Юрьевых), а значение других сильно недооценил (Адашева, Сильвестра)¹⁰². Вслед за этим И. И. Смирнов, нарушив хронологический порядок, исследовал боярский «мятеж» 1553 г., составлявший особенно важную часть его аргументации, ведь, если дословно принять показание приписки к Царственной книге, то описанное событие может действительно хорошо продемонстрировать происки бояр. При этом автор совершенно не обратил внимание на источниковедческие замечания Д. Н. Альшица

об использованном источнике, хотя последний убедительно показал его пристрастность¹⁰³.

Далее наступила очередь анализа самих реформ, который, с одной стороны, коснулся лишь части реформ, а с другой стороны, даже в отношении исследованных преобразований лишь с натяжкой показал их дворянский характер. Иногда источники объяснялись ошибочно, а иногда среди альтернативных возможностей выбирались интерпретации, вписывавшиеся в предварительную схему¹⁰⁴. Категорически утверждая в каждом рассмотренном случае антибоярской и, следовательно, продворянский характер данных распоряжений, И. И. Смирнов в своей монографии иногда был склонен к противопоставлениям типа «черное-белое». В результате в этих случаях историк терял правильную перспективу не только потому, что он не сумел определить роль боярства в процессе усиления централизации, но и потому, как указал В. Б. Кобрин¹⁰⁵, что он упростил содержание серии реформ до борьбы между боярами и дворянами и уделил меньше внимания фундаментальным классовым противоречиям между правящим классом и угнетенным крестьянством. Если бы И. И. Смирнов лучше подчеркнул последние, то, возможно, и он согласился со своим рецензентом: «Вряд ли во всех политических действиях в XVI веке нужно обязательно искать направленность, укладывающуюся в схему: либо на пользу дворянству, либо на пользу боярству ...»¹⁰⁶ Отвергнув сложившееся мнение о «компромиссном» характере реформ, И. И. Смирнов не смог результативно применить тонкие различия при оценке сложных событий этой эпохи. Поэтому несмотря на громадный материал, использованный в монографии, несмотря на во многом новаторский характер начинания и ценные результаты, работа Смирнова в итоге не внесла полной ясности в понимание основного содержания крайне важного периода в истории Русского централизованного государства.

В год появления книги И. И. Смирнова вышла в свет и большая монография об общественно-политической мысли 1540–50-х годов «И. С. Пересветов и его современники», принадлежавшая А. А. Зимину. Хотя А. А. Зимин в этом произведении не занимался непосредственно реформами середины века, его работа все же имеет большое значение в историографии вопроса. С одной стороны, потому, что в одно время с появлением монографии И. И. Смирнова в книге А. А. Зимина прозвучало иное мнение об основном содержании истории середины XVI столетия: «Политика в это время направлялась правительством компромисса, которое, лавируя между отдельными прослойками класса феодалов, стремилось осуществить требования всего господствующего класса в целом. Отсюда и непоследовательность этого правительства в вопросах, касающихся чисто дворянских требований. (Неразрешенность земельного вопроса, незавершенность процесса централизации управления и др.)»¹⁰⁷ С другой стороны, поставив в центр своей работы личность И. С. Пересветова, монографически исследовав его взгляды, А. А. Зимин способствовал подведению более прочного фундамента под оценку всей интересующей нас эпохи. Он показал И. Пересветова как типич-

ного представителя прогрессивного дворянства, взгляды которого при их сопоставлении с политикой Избранной рады пластично подчеркивали «непоследовательность» последней¹⁰⁸. «Последовательность» же, которой столь жаждало дворянство, проявлялось в России лишь во времена опричнины, хотя и тогда недостаточно «последовательно и целенаправленно»,¹⁰⁹ — заключает свою мысль А. А. Зимин.

Несколько позже читатели получили возможность познакомиться с новой монографией А. А. Зимина *«Реформы Ивана Грозного»*. Можно сказать, что это в известной степени был ответ на концепцию И. И. Смирнова, причем многим обязанный последней, поскольку оставленные в тени или совсем не рассмотренные И. И. Смирновым проблемы побуждали к более основательным исследованиям, к введению в оборот новых типов источников, а концептуально книга Смирнова возлагала на новую обобщающую работу простую задачу утверждать по всем принципиальным вопросам обратное по сравнению со своим предшественником. Со времен Бахрушина основа концепции была налицо, и ее разделяло большинство советских историков¹¹⁰, А. А. Зимину предстояло «лишь» монографически доказать ее.

Ход рассуждений А. А. Зимина был следующим:

1. XVI столетие «было время экономического подъема страны, выражавшегося в росте производительных сил и углубления общественного разделения труда».

2. «Рост товарно-денежных отношений в стране приводил к усилению эксплуатации крестьянства».

3. «Как город, так и деревня в середине XVI в. были охвачены пламенем народных движений».

4. «Среди класса феодалов интенсивно шел процесс перераспределения земельной собственности».

5. «В обстановке широкой волны народных движений представители различных прослоек класса феодалов вынуждены были на время прекратить распри и консолидировать свои усилия с тем, чтобы укрепить свое господство над массами непосредственных производителей»¹¹¹.

Такова историко-логическая схема т. н. теории «компромисса», которую наметил еще С. В. Бахрушин, но оформление которой в единую систему и монографическое подтверждение которой связаны с именем А. А. Зимина. Предварительно мы лишь отметим, что относительно первых четырех пунктов схемы в общих чертах было сходным и мнение И. И. Смирнова. Тем не менее в отношении 5-го пункта, т. е. собственно оценки политики середины XVI века, он пришел к совершенно иному выводу. Это до известной степени было следствием того, что И. И. Смирнов поместил данную проблематику в более широкие исторические рамки и заключил, что единственным адекватным ответом правящего класса на обостряющуюся классовую борьбу могло быть только крепостничество.¹¹²

Таким образом, по его мнению, давление снизу толкало правящий класс не на «компромисс», а на последовательную классовую политику, на введение крепостничества. Однако этот вывод, верный в своей тенденции, основывался на упрощенном изображении социального положения, роли боярства середины XVI столетия.

В сравнении с точкой зрения И. И. Смирнова мнение А. А. Зимина было качественно иным уже в отношении боярского правления, предшествовавшего периоду реформ. Он писал: «Во время княжеско-боярских свар борьба шла не за расчленение государства на удельные «полугосударства», а за овладение центральным правительственным аппаратом, за превращение его в орудие корпоративных интересов феодальной аристократии».¹¹³ Далее, на страницах книги события периода боярского правления подтверждают это утверждение А. А. Зимина.

Задача А. А. Зимина была значительно облегчена исследованиями советских историков по данному периоду, среди которых во второй половине 50-х гг. заметную роль играла монография Н. Е. Носова «Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века»¹¹⁴. Н. Е. Носов в этой книге подробно рассмотрел тот «парадоксальный» факт, что именно во время, казалось бы, самой «свирепой» боярской «анархии» произошел перелом во введении губной реформы, в целом усилившей государственную власть и соответствовавшей интересам дворян¹¹⁵. К тому же анализ содержания этой эпохи Носов обогатил введением нового аспекта, когда связал упомянутый перелом не с борьбой партий Шуйских и Бельских, а с различной политической ориентацией отдельных групп боярства, основанной на исторически сложившемся в ходе образования единого государства расслоении бояр¹¹⁶.

Этот аспект, однако, недостаточно подчеркнут в книге А. А. Зимина. Поэтому историк считает, например, что Бельские были объективно сторонниками централизации, а Шуйские — ее противниками¹¹⁷. Между тем, уже И. И. Смирнов указал, что нельзя делать такое различие в пользу Бельских¹¹⁸. А. А. Зимин, возможно, подошел бы ближе к истине, если бы последовательно провел свое мнение о том, что борьба внутри боярства шла «за овладение центральным правительственным аппаратом». В то же время овладение властью, как бы ни злоупотребляли ею бояре, накладывала на ее обладателя одни и те же задачи, так, ему всегда приходилось учитывать и важнейшую из этих задач, вытекавшую из необходимости поддерживать власть своего класса.

Определенный схематизм сказанного о периоде «боярского правления» предопределил то, что А. А. Зимин в итоге не вполне сумел вскрыть органическую связь между 30—40-ми годами и следующим десятилетием. По традиции в своих построениях он придает большое значение «великому восстанию» 1547 г., рассмотренному им в масштабе всей страны, как событию, вызвавшему сплочение бояр, прежде интриговавших друг против друга¹¹⁹. По ходу изложения А. А. Зимин справедливо поправил И. И. Смирнова и доказал, что «новый курс» начался

не сразу после «большого пожара»¹²⁰. Однако его аргументация в значительной мере ослабляется тем, что вся книга пронизана попытками доказать усиление классовой борьбы, и, хотя автору в целом удалось доказать это, ценность его вывода девальвируется тем, что автор пытается вывести из него — и только из него — все значительные политические переломы. Вследствие этого совсем непонятно, почему в условиях постоянной угрозы классовой борьбы боярство «образумилось» именно после 1547 г. По нашему мнению, С. О. Шмидт был ближе к истине, когда, не преуменьшая значения событий июня 1547 г., указал на комплексность причин, так напр., на недовольство внутри правящего класса, на нужды, связанные с Казанской войной¹²¹.

За главой о классовой борьбе в России следует глава с заранее раскрывающим её основную мысль названием «Реформы правительства компромисса 1549—1552 гг.», в которой А. А. Зимин после вступления, повествующего об Избранной раде, переходит (на 325-ой странице книги) к изложению «реформ Ивана Грозного» (хотя даже после прочтения всей книги не становится ясно, насколько они были реформами Ивана Грозного). В ходе этого изложения — сохраняя верность оценке, авансированной в названии книги — автор последовательно доказывает «компромиссный» характер реформ. Основным содержанием же компромисса, как считает историк, было недостаточно последовательное нарушение интересов бояр, с одной стороны, и недостаточно последовательная реализация интересов дворян, с другой. Трудность состоит лишь в том, что, поскольку в то время дворянство было еще далеко от унификации, от создания самостоятельных организационных форм и форумов для выражения своего мнения, довольно трудно установить задним числом, в чем же состояли эти интересы дворян. По традиции здесь принято обращаться к фигуре И. Пересветова (это сделал в монографической форме и сам А. А. Зимин¹²²), однако спрашивается, можно ли на основании взглядов единственного профессионального «воинника» делать заключения о чаяниях русских служилых людей? А. А. Зимин и сам вместо этого выбрал другой метод, декларировал интересы дворянства (как он их себе представлял) от себя. Вообще же историк квалифицировал дворянскими те интересы, которые могут быть связаны со стремлениями к последовательному укреплению центральной власти. За этим приёмом скрывается — хотя и в более сложной форме — точка зрения, согласно которой, дворянство — сторонник укрепления централизованного государства, следовательно, оно прогрессивно, боярство же объективно является его противником, то есть, объективно реакционно. Не нужно доказывать, что вместо подобных аксиоматичных утверждений мы скорее ожидали бы *документированного* ответа на вопрос: в чем же состояло (и существовало ли) реальное различие между боярством и служилым дворянством *того времени* в отношении к центральной власти?

Между прочим, при подходе к этой проблеме не на методологическом, а на методическом уровне мы во многих случаях придем к выводу, что А. А. Зимин в своей интерпретации искусственно создает

боярско-дворянскую вражду и квалифицирует отдельные распоряжения как выражавшие скорее дворянские или скорее боярские интересы¹²³.

Если же сравнить реформы, осуществленные после 1553 года, с реформами 1549—1552 гг., то конкретный анализ не подтверждает тот вывод, что в данный период «правительство в большей мере проводит линию на осуществление требований широких кругов феодалов»¹²⁴, особенно если как в случае отдельных реформ, так и в обобщающей оценке сам А. А. Зимин подчеркивает первоначальный компромиссный характер¹²⁵. Таким образом, создается впечатление, что в своей аргументации автор придает гораздо большее значение усилению позиций Адашева и его соратников, якобы последовавшему после 1553 г., чем раскрытию содержания реформ последующего периода, делая на основании этого вывод о «более радикальном» характере этих реформ¹²⁶.

Весьма возможно — и А. А. Зимин косвенно указывает на это¹²⁷ — что сильно подчеркивая компромисс до 1553 г. (который всегда означает недостаточную последовательность) и говоря о радикализации после 1553 г., А. А. Зимин желает подготовить органический переход к опричнине, делая, таким образом, последнюю эталоном при оценке основных событий политической истории XVI в. в качестве логического и, следовательно, прогрессивного завершения того, что произошло ранее, в качестве первого адекватного ответа на проблемы, поднятые эпохой.

А. А. Зимин доказывал свой основной тезис, используя обширный научный материал, однако выводы ученого иногда были непропорциональны количеству использованных фактов. В конце концов историк оказался не в состоянии наполнить жизнью общий тезис о «компромиссной» политике, который пытались доказать уже многие исследователи, и дать убедительный ответ на вопрос, между какими социальными силами было достигнуто соглашение (за чей счет и в чью пользу). Иначе говоря, задача дальнейшего изучения реформ не сошла с повестки дня советской исторической науки и после появления крупной монографии А. А. Зиминой, которой, однако, принадлежит видное место в советской историографии, ведь она явилась первым полным научным обобщением реформ середины XVI столетия и нередко содержала результаты фундаментальных исследований, проведенных ее автором.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV, М., 1966, с. 139.

² Там же, с. 139—140.

³ Ленин, В. И.: Полн. собр. соч. т. 45, с. 27.

⁴ Виппер, Р. Ю.: Кризис исторической науки. Казань, 1921, с. 32—33.

⁵ Виппер, Р. Ю.: Иван Грозный, М., 1922.

⁶ Дубровский, С. М.: Еще раз о «великом государе». (Новые труды об опричнине). — Знамя, 1965, № I, с. 212.

⁷ Там же.

⁸ Готье, Ю. В.: Рецензия на книгу Р. Ю. Виппера «Иван Грозный». — Русский исторический журнал, кн. 8. II., 1922, с. 297.

⁹ Там же.

- ¹⁰ Ср.: Платонов, С. Ф.: Иван Грозный в русской историографии. — Русское прошлое, 1923, № I, с. 12.
- ¹¹ Платонов, С. Ф.: Иван Грозный. Пб., 1923.
- ¹² Платонов, С. Ф.: Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI — XVII вв. СПб., 1899.
- ¹³ Покровский, М. Н.: Русская история в самом сжатом очерке, 6-е стереотипное издание, М. — Л., (без года выпуска), с. 44.
- ¹⁴ Ср.: Покровский, М. Н.: Очерк истории русской культуры. Ч. I, изд. 4-ое, М. — Л., 1925, с. 136 — 138.
- ¹⁵ Покровский, М. Н.: Избранные произведения, кн. I. М., 1966. с. 272 — 273.
- ¹⁶ Там же, с. 273 — 274.
- ¹⁷ Там же, с. 275.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же, с. 288.
- ²¹ Там же, с. 291.
- ²² Там же, с. 291 — 292.
- ²³ Там же, с. 295.
- ²⁴ Там же, с. 295 — 296.
- ²⁵ Рожков, Н.: Русская история в сравнительно-историческом освещении. (Основы социальной динамики), т. IV, ч. I, Пг., 1922, с. 67 — 68.
- ²⁶ Там же, с. 79.
- ²⁷ Там же, сс. 118, 126, 127, 129 — 130.
- ²⁸ Там же, с. 131 — 132.
- ²⁹ Пресняков, А.: Рец. на кн. С. Ф. Платонова «Иван Грозный». Века. Исторический журнал, Пг., 1924, с. 181.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Это объясняется тем, что на исследования истории России эпохи феодализма долгое время накладывали отпечаток буржуазные исторические концепции, а также тем, что рождавшаяся марксистская историография в первое время по существу больше занималась историческими проблемами более поздних эпох (об этом подробнее см.: Зимин, А. А. — Преображенский, А. А. Изучение истории феодализма в России. — В сб.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV, М., 1966, с. 307 — 308.).
- ³³ Ср.: Против исторической концепции М. Н. Покровского. Сб. статей, ч. I, М. — Л., 1939; Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Сб. статей, ч. 2, М. — Л., 1940.
- ³⁴ История СССР, т. I, М., 1939, сс. 356, 357, 377.
- ³⁵ Ср.: Бахрушин, С. В.: Иван Грозный в свете новейших исследований. Научные труды, т. II. М., 1954.
- ³⁶ Шмидт, С. О.: Вопросы истории России XVI в. в новой исторической литературе, — В кн.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М., 1962, с. 91.
- ³⁷ Среди драм, содержащих идеализацию Ивана IV, нужно отметить прежде всего произведения А. Толстого, И. Сельвинского, В. Соловьева. Среди прозаических произведений наиболее известной была трилогия Костылева (современную критику ее см.: Веселовский С. Б. По поводу трилогии тов. Костылева и возникшей о ней полемики. — В сб.: История и историки. М., 1973. Подробнее еще см.: Петров, С.: Советский исторический роман. М., 1958, с. 323; его же: Исторический роман в русской литературе. М., 1961, с. 193 — 195).
- ³⁸ Ср. между прочим: Шмидт, С. О.: Вопросы истории России XVI в. с. 93; Зимин, А. А.: Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. с. 46; Дубровский, С. М. Еще раз о «великом государе» с. 212 — 213.
- ³⁹ Винпер, Р. Ю.: Иван Грозный, изд. 2-е, Ташкент, 1942.
- ⁴⁰ Винпер, Р. Ю.: Иван Грозный. М. — Л., 1944, с. 46.
- ⁴¹ Там же, с. 65.
- ⁴² Там же, с. 142 — 143.
- ⁴³ Ср.: там же, с. 149 и I-е издание, с. 109.

- ⁴⁴ Ср. между прочим: *Виппер, Р. Ю.*: Иван Грозный. М. — Л., 1944, сс. 80, 133, 141.
- ⁴⁵ И. У. Будовниц еще назвал позитивным изменением включение цитат из произведений К. Маркса и И. В. Сталина (Иван Грозный в русской исторической литературе. — В кн.: Исторические записки, т. 21, 1947, с. 322).
- ⁴⁶ Ср.: *Виппер, Р. Ю.*: Иван Грозный. М., 1945 (брошюра объемом в 32 страницы); Иван Грозный — К вопросу о характеристике личности Ивана IV как государственного деятеля и дипломата. — В журнале «Преподавание истории в школе», 1946, № 1.
- ⁴⁷ *Бахрушин, С. В.*: Иван Грозный, 1-е изд., М., 1942; 2-е изд., М., 1945; 3-е изд., — в кн.: Научные труды, т. II. М., 1954; его же: Самодержавие Ивана IV. М., 1946; *Смирнов, И. И.*: Иван Грозный. Л., 1944.
- ⁴⁸ *Смирнов, И. И.*: Иван Грозный. Л., 1944, с. 7; см. также сс. 31 и 87.
- ⁴⁹ *Бахрушин, С. В.*: Научные труды, т. II, М., 1954, с. 319.
- ⁵⁰ Ср. в том числе: *Базилевич, И. В.*: Рец. на кн. Р. Ю. Виппера «Иван Грозный». — Пропагандист, 1945, № 17, с. 64; *Полосин, И. И.*: Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963, с. 20.
- ⁵¹ *Бахрушин, С. В.*: Научные труды ..., с. 319.
- ⁵² Там же, с. 256.
- ⁵³ Там же, с. 268.
- ⁵⁴ Там же, с. 269.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же, с. 271.
- ⁵⁹ Там же, с. 292—293.
- ⁶⁰ *Бахрушин, С. В.*: «Избранная рада» Ивана Грозного. — В кн.: Научные труды, т. II. М., 1954, с. 330—331.
- ⁶¹ Там же, с. 338.
- ⁶² Там же, с. 351.
- ⁶³ Там же, с. 350.
- ⁶⁴ В публикации этой статьи С. Б. Веселовского, осуществленной на основании рукописи 1940 г., в цитированном отрывке и еще в одном месте на той же странице вместо 50-х годов фигурирует 60-е годы (ср.: *Веселовский, С. Б.*: Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном. — Исторические записки, т. 15, М., 1945, с. 61, а также его же: Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 82). На основании контекста можно сделать вывод, что в последнем случае речь идет о типографской опечатке.
- ⁶⁵ *Веселовский, С. Б.*: Первый опыт ..., с. 81.
- ⁶⁶ Ср.: *Смирнов, И. И.*: Судебник 1550 года. — Исторические записки, т. 24, М., 1947; его же: Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г. Исторические записки, т. 43, М., 1953.
- ⁶⁷ *Смирнов, И. И.*: Рецензия на кн. «Тысячная книга и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.» М. — Л., 1950. — Вопросы истории, 1951, № 7, с. 114.
- ⁶⁸ *Романов, Б. А.*: К вопросу о земельной политике Избранной рады (ст. 85 Судебника 1550 г.). — Исторические записки, т. 38, М., 1951, с. 252—254.
- ⁶⁹ Там же, с. 269.
- ⁷⁰ Судебники XV—XVI веков. М. — Л., 1952, с. 297—319.
- ⁷¹ *Романов, Б. А.*: Судебник Ивана Грозного. (По поводу исследования И. И. Смирнова). — Исторические записки, т. 29, 1949, с. 235.
- ⁷² Он применяет термин «компромиссный» лишь к концу 1540-х — началу 1550-х годов (см.: *Шмидт, С. О.*: Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. — Ученые записки МГУ, вып. СХУП, М., 1954. Ср. еще: Челобитный приказ в середине XVI столетия. — Известия АН СССР, серия истории и филологии, т. 7, 1950, № 5.)
- ⁷³ Ср.: *Альшиц, Д. Н.*: Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. — Исторические записки, т. 25, М., 1948, с. 292. Ср. еще его же: Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. — Исторические записки, т. 23, М., 1947).
- ⁷⁴ Ср.: *Смирнов, И. И.*: Судебник 1550 года, с. 316—317.

- ⁷⁵ Ср.: Зимин, А. А.: О сложении приказной системы на Руси. — Доклады и сообщения Института истории АН СССР, вып. 3, М., 1954.
- ⁷⁶ Зимин, А. А.: К истории военных реформ 50-х годов XVI в. — Исторические записки, т. 55, М., 1956. с. 358—359.
- ⁷⁷ Очерки по истории СССР. Конец XV-в. — начало XVII в. (Ред. Насонов, А. Н. Черепнин, Л. В., Зимин, А. А.), М., 1955, с. 293.
- ⁷⁸ Там же, с. 291.
- ⁷⁹ Там же, с. 293.
- ⁸⁰ Там же, с. 290.
- ⁸¹ Там же, с. 293.
- ⁸² Там же, с. 298.
- ⁸³ Б. И. Буганов указал на то, что для И. И. Смирнова результаты, достигнутые советской исторической наукой в исследовании данной темы, были важны прежде всего как объекты критики (ср.: Буганов, В. И.: Рецензия на кн. И. И. Смирнова «Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века». — История СССР, 1960, № 4, с. 176).
- ⁸⁴ См. работы И. И. Смирнова, указанные в примечании № 66, а также его многочисленные произведения о политической истории 1530-х годов.
- ⁸⁵ Смирнов, И. И.: Очерки ..., с. 3.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Смирнов, И. И.: Очерки ..., с. 5.
- ⁸⁸ Там же, с. 8.
- ⁸⁹ Там же, с. 10.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Смирнов, И. И.: Очерки ..., с. 13.
- ⁹² Там же, с. 14.
- ⁹³ Там же, с. 15.
- ⁹⁴ Зимин, А. А.: Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 51.
- ⁹⁵ Буганов, В. И.: Рец. на кн. И. И. Смирнова ..., с. 175.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Кобрин, В. Б.: Рец. на кн. И. И. Смирнова «Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века». — Вопросы истории, 1960, № 1, с. 153.
- ⁹⁸ Смирнов, И. И.: Очерки ..., с. 3.
- ⁹⁹ Шмидт, С. О.: Рец. на кн. А. А. Зимина «Реформы Ивана Грозного». — Вопросы истории, 1962, № 6, с. 135.
- ¹⁰⁰ Смирнов, И. И.: Очерки ..., с. 3.
- ¹⁰¹ Там же, с. 139—165.
- ¹⁰² Там же, с. 194—257.
- ¹⁰³ Ср. работы, указанные в примечании № 73.
- ¹⁰⁴ В исторической литературе (ср. напр.: Романов, Б. А.: Указ. соч.; цитированные рецензии В. И. Буганова и В. Б. Кобрина; Зимин, А. А.: Реформы Ивана Грозного, сс. 231, 258, 262—264, 311, 320—321, 327—328, 342, 350—352, 354, 359—361, 369—372, 410, 456—457, 465—466; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, сс. 17, 20 21, 72—73, 37—41, 64—68, 70, 75, 92—94, 113—115, 174—175, 369, 371, 373—376, 390—393) было указано на многие спорные положения И. И. Смирнова, обусловленные приложением заранее выработанных концепций к конкретному историческому материалу, сравнительной ограниченностью источниковедческой базы и оставлением без внимания многих результатов, достигнутых исторической наукой.
- ¹⁰⁵ Кобрин, В. Б.: Рец. на кн. И. И. Смирнова ..., с. 157.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 155.
- ¹⁰⁷ Зимин, А. А.: И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958, с. 353—354.
- ¹⁰⁸ Там же, с. 354.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ Противоположным примером, помимо И. И. Смирнова, может служить лишь книга: Копанев, А. И. — Маньков, А. Г. — Носов, Н. Е.: Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVII вв. (Л., 1957).

- ¹¹¹ Зимин, А. А.: Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 4–5.
- ¹¹² Смирнов, И. И.: Очерки ..., с. 14–15.
- ¹¹³ Зимин, А. А.: Реформы Ивана Грозного, с. 224.
- ¹¹⁴ Сам А. А. Зимин вел исследования в связи с Боярской думой XV–XVI в. и на основании изменения ее состава сделал выводы об изменении боярской политики (ср.: Зимин, А. А.: Состав Боярской думы в XV–XVI вв. — Археографический ежегодник за 1957 г., М., 1958, сс. 59–60, 66). В этот период А. А. Зимин и Н. Е. Носов занимались «приговором» 1555/56 г. И хотя они подошли к проблеме с разных сторон — А. А. Зимин уделил особое внимание показу публицистического характера «приговора», а Н. Е. Носов, с помощью исследования «Боярской книги 1556 г», компенсации ликвидированных кормлений — их мнения значительно разошлись в отношении оценки классового смысла «приговора» 1556–56 г. (см.: Зимин, А. А.: «Приговор» 1555–56 г. и ликвидация системы кормлений в Русском государстве. — История СССР, 1958, № I, с. 182; Носов, Н. Е.: Боярская книга 1556 г. (Из истории происхождения четвертичных). Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVI вв. М.—Л., 1960, с. 219–221). Исследовавший позже эту же проблему С. О. Шмидт, подчеркивая дворянский характер, склоняется к мнению А. А. Зимина (К истории земской реформы. (Собор 1555–56 г.). — Города феодальной России. М., 1966, с. 134). То же самое можно сказать и о В. И. Буганове, который, анализируя «Государев разряд» 1556 г., подчеркивал компромиссный характер реформ середины столетия («Государев разряд» 1556 г. и реформы 50-х годов XVI в. — История СССР, 1957, № 5, сс. 220, 225). Но нужно заметить, что, несмотря на углубленные исследования, в области обобщающей оценки не было сделано существенного шага вперед. Доказательством этого является статья В. Б. Кобрин (Экономическое и политическое положение Русского государства в 40–50-х годах XVI в. — Преподавание истории в школе, 1958, № 5). в которой он, например, характеризовал опричнину как непосредственное продолжение реформ (с. 29).
- ¹¹⁵ Ср.: Носов, Н. Е.: Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.—Л., 1957, с. 289–290.
- ¹¹⁶ Носов, Н. Е.: Очерки ..., с. 314.
- ¹¹⁷ Зимин, А. А.: Реформы Ивана Грозного, сс. 249, 258.
- ¹¹⁸ Смирнов, И. И.: Очерки ..., с. 86.
- ¹¹⁹ Зимин, А. А.: Реформы Ивана Грозного, с. 315.
- ¹²⁰ Там же, с. 311–313.
- ¹²¹ Шмидт, С. О.: Рецензия на кн. А. А. Зимина «Реформы Ивана Грозного», — Вопросы истории, 1962, № 2, с. 138.
- ¹²² Ср.: Зимин, А. А.: И. Пересветов и современники. М., 1958.
- ¹²³ Зимин, А. А.: Реформы Ивана Грозного, сс. 326, 339, 341, 354, 355, 439, 460, 463–464, 470–471.
- ¹²⁴ Там же, с. 470.
- ¹²⁵ Там же, с. 478.
- ¹²⁶ Там же, с. 414.
- ¹²⁷ Там же, с. 371.